

DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90

Научная статья / Research article

Центральноазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции

А.А. Забелла, Е.Ю. Каткова, А.В. Шабага

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Аннотация. Выявляются причины растущего внимания к евразийской идеологии среди политических и научных кругов России, а также интересы Китая в Центральной Азии. В рамках реалистической парадигмы были проанализированы аспекты российской и китайской внешней политики в контексте укрепления влияния в данном регионе. В качестве ведущего нарратива внешнеполитического курса России в Центральной Азии рассмотрена идеология евразийства, основанная на традиционных ценностях. Большое внимание отводится анализу эффективности российской концепции евразийства и китайской политики Шелкового пути в регионе. Используются теоретико-аналитический и системно-исторический подходы, которые позволили проанализировать позиции России и Китая по укреплению своего влияния в Центральной Азии, а также изучить перспективы и проблемы сотрудничества двух стран в регионе. Сопряжение Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс, один путь» рассматривается в качестве способа укрепления российско-китайского взаимодействия, возможности получения больших дивидендов странами Центральной Азии, а также расширения российского и китайского присутствия в регионе. Выделяются сильные и слабые стороны России и Китая в рамках их взаимодействия со странами региона. Подчеркивается, что, хотя российская сторона обладает целым рядом значимых преимуществ, Китай благодаря особой политике в области международного движения капитала усиливает свое присутствие в Центральной Азии. Главная гипотеза состоит в том, что сопряжение ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» может служить фактором сдерживания конкуренции между Россией и Китаем в Центральной Азии, однако авторы не исключают шанхайский сценарий, который демонстрирует постепенное усиление позиций Китая.

Ключевые слова: евразийская идеология, Россия, Китай, Центральная Азия, Евразийский экономический союз, «Один пояс, один путь»

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00165).

Для цитирования: Забелла А.А., Каткова Е.Ю., Шабага А.В. Центральноазиатское направление политики России и Китая в контексте евразийской концепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 79—90. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90

Eurasian Concept: Central Asia in Russian and Chinese Foreign Policy

Anastasiya A. Zabella, Evgeniya Yu. Katkova, Andrey V. Shabaga

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article focuses on the reasons for both increasing attention to Eurasian ideology among political and scientific circles in Russia and the Chinese interest in Central Asia. Given a realistic paradigm, the authors analyzed aspects of Russian and Chinese foreign policy in the context of strengthening their influence in the region. Based on traditional values the ideology of Eurasianism is considered as a basis of Russia's foreign policy in Central Asia. The authors paid attention to an analysis of the effectiveness of the Russian concept of Eurasianism

© Забелла А.А., Каткова Е.Ю., Шабага А.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

and the Chinese initiative “the Belt and Road Initiative”, reminiscent of the Silk Road, in Central Asia. The paper covers theoretical-analytical and systemic-historical methods that offered an opportunity both to analyze the approaches of Russia and China to strengthen their influence in Central Asia and to examine the possibilities and contradictions of cooperation between Russia and China in Central Asia. The authors consider an interface among the EAEU and “the Belt and Road Initiative” as an opportunity to increase the efficiency of Russian-Chinese interaction, to create significant benefits to the countries in the Central Asia, and to expand the Russian and Chinese presence in the region. The authors pointed out the strengths and weaknesses of Russia and China in their interaction with the countries of Central Asia. Although Russia enjoys significant advantages, China is strengthening its presence in the region by its investments. The main hypothesis of this article is that the interface among the EAEU and “the Belt and Road Initiative” initiatives may curb competition between Russia and China in Central Asia, but the authors do not rule out the Shanghai scenario, which demonstrates a gradual strengthening of China’s position.

Key words: Eurasian ideology, Russia, China, Central Asia, Eurasian Economic Union, “the Belt and Road Initiative”

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (Project No. 19-18-00165).

For citation: Zabella, A.A., Katkova, E.Yu., & Shabaga, A.V. (2021). Eurasian Concept: Central Asia in Russian and Chinese Foreign Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 21(1), 79—90. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-79-90

Введение

Сто лет назад основатели евразийского движения утверждали, что с течением времени коммунистическая идеология в России ослабнет и на смену ей придет евразийство [Флоровский 1998: 316, 317].

Прошли годы, и, надо признать, их предсказание в определенном смысле сбылось. В России нет идеократического режима и демократической формы самоорганизации общества, о которых писали евразийцы, но на уровне идеологии евразийская концепция постепенно входит в сознание и, в особенности, в политическое сознание. Окончательно феномен проявился, когда в начале XXI в. возникла необходимость в формировании нового внешнеполитического курса. В 2012 г. президент России В.В. Путин отметил: «Евразийство — традиция нашей политической мысли. Оно в России укоренилось давно, а сейчас приобретает совершенно новое звучание, особенно в связи с интенсификацией интеграционных процессов на постсоветском пространстве. И более того, из области политической философии это уже фактически перекочевало в политическую плоскость, в повестку дня текущей работы»¹.

¹ Путин В.В. Стенограмма выступления на встрече с активом партии «Единая Россия» // Правительство

На общеполитической дискуссии 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отмечая губительные последствия фрагментации мировой политики и экономики, министр иностранных дел России С.В. Лавров подчеркнул: «Гармонизация построения интеграционных процессов — это философия, которая лежит в основе инициативы В.В. Путина о формировании Большого евразийского партнерства с участием стран — участниц ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и всех государств Евразии, включая членов ЕС». По мнению министра иностранных дел России, «последовательное сопряжение ЕАЭС и инициативы “Один пояс, один путь” (ОПОП) позволит не только повысить динамику экономического роста, но и заложит добротный фундамент для построения пространства мира, стабильности и сотрудничества от Лиссабона до Джакарты»².

Истоки евразийской концепции и современные проблемы евразийской интеграции

России. 24.04.2012. URL: <http://archive.government.ru/docs/18763/> (дата обращения: 22.11.2020).

² Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 74-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк // Посольство России в Китае. 28.09.2019. URL: <http://www.russia.org.cn/ru/news/vystuplenie-ministra-inostrannyh-del-rossii-s-v-lavrova-na-obshhepoliticheskoy-diskussii-74-j-sessii-generalnoj-assamblei-oon-nyu-jork/> (дата обращения: 14.12.2020).

сегодня являются актуальной темой исследования ввиду повышенного интереса к данной проблематике со стороны российской политической элиты. Кроме того, Россия в отношениях с сопредельными странами в последние десятилетия сталкивается с сильной конкуренцией со стороны других могущественных держав, в частности США и КНР [Brzezinski 2016]. В связи с возрастающим интересом Китая к постсоветскому пространству аспекты евразийской концепции России, ее отношения с сопредельными странами, а также «китайский фактор» в Центральной Азии получили широкое освещение в российских, китайских и западных научных кругах.

Среди фундаментальных работ, посвященных истокам евразийской идеологии, следует выделить монографии А. Гумбольдта [1915], К.Н. Леонтьева [2000] и П.И. Савицкого [1997]. Более современные исследования по данной проблематике включают труды В.И. Ламанского [2010], В.А. Никонова [2015] и коллективную статью У.Э. Батлера, М.Л. Энтина, Е.Г. Энтиной и Е.А. Торкуновой [Butler, Entin, Entina, Torkunova 2020].

Подробный анализ проблем формирования нового мирового порядка, а также политики России в рамках данной проблематики содержится в работах А. Королева [Korolev 2020], М.М. Лебедевой [2020], А.В. Лукина [2015], коллективной статье сотрудников Института Дальнего Востока РАН А.Е. Савченко и И.Ю. Зуенко [2020], а также в коллективной статье сотрудников МГИМО МИД России А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова и Е.В. Колдуновой [2020].

Следует отметить, что обсуждение тематики «поворота» России на Восток, начавшееся в 2012 г., не теряет своей актуальности. В частности, концептуализации данной политики, ее вызовам и угрозам посвящен сборник докладов Валдайского клуба [К Великому океану... 2019]. Однако самое пристальное внимание сегодня обращено к китайской инициативе «Один пояс, один путь», которая стала центральным элементом исследования китайских и российских авторов П. Цая [Cai 2017], Е. Мина [Ye 2015], Чжао Хуна [Zhao Hong 2016], Чэн Го, Чен Лу, Д.А. Дегтерева, Чжао Цзелин [Cheng, Chen, Degterev, Zhao 2019].

В связи успешностью китайской инициативы в последнее время начали появляться работы, посвященные сопряжению ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», например статьи Л.Б. Аристовой и Н.К. Семеновой [2019], А.В. Лукина [2020], И.А. Макарова и А.К. Соколовой [2016], Чжао Хуашэна [Zhao Huasheng 2018] и т. д.

В исследовании применяются теоретико-аналитический и системно-исторический подходы. С целью проведения более глубокого анализа потенциала применения российской концепции евразийства в современных реалиях авторами дан краткий обзор теоретических подходов к идее Большой Евразии и места России в интеграционных процессах на постсоветском пространстве, а также обозначены ключевые проблемы и угрозы политики России в отношениях со странами региона. Особое внимание уделено политике Китая в Центральной Азии в контексте инициативы «Один пояс, один путь», а также вопросам возможного усиления конкуренции между двумя странами в условиях повышения внимания Пекина к данному региону.

Теоретические подходы

Большое евразийское партнерство — это, во-первых, каркас геополитического и геоэкономического взаимодействия государств-участников с непротиворечащим геоидеологическим мышлением. Цель проекта заключается в политическом, экономическом и культурном возрождении государств-участников.

Во-вторых, «поворот» России на Восток зачастую рассматривается сквозь призму трех процессов:

- 1) участия России в глобальном соперничестве за реконфигурацию мира;
- 2) реализации Россией стратегии по реинтеграции постсоветского пространства;
- 3) выстраивания Россией альтернативных западному направлению политико-экономических связей [Савченко, Зуено 2020: 113].

По мнению члена законодательного собрания Раджастан (Индия) Раджа Кумара, «большое евразийское партнерство олицетворяет разочарование российской стороны, связанное с ее усилиями в рамках интеграции с

Европой, которое подтолкнуло Россию на Восток, а также является попыткой Москвы защитить свои экономические интересы и интересы в сфере безопасности»³.

Как отмечает ведущий российский востоковед, директор Центра исследований Восточной Азии и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) МГИМО МИД России А.В. Лукин, «ухудшение отношений с Западом стало ценой, которую Москва платит за собственную независимость, но ее экономический базис пока вряд ли достаточен для ее обеспечения. Вопрос экономической эффективности заставляет обратить внимание и на то, как наладить более тесные экономические связи в Азии, способствующие ускоренному развитию России» [Лукин 2020: 54].

Впрочем, следует отметить, что сегодня наблюдаются не только трансформация Вестфальской системы и системы межгосударственных отношений, но и значительные «повороты» в политических системах многих государств на рубеже XX—XXI столетий: Восточной Европы, государств постсоветского пространства, Ближнего Востока, Латинской Америки [Лебедева 2020: 31]. Как нам представляется, в этой связи актуальность приобретает «поворот» Китая на Запад, в частности экономический, путем продвижения инициативы «Один пояс, один путь».

Введенные Западом санкции способствовали как теоретической проработке внешнеполитического курса России в формат, приближающий его к евразийству, так и переводу политических решений в практическую плоскость, соотносящуюся с его концептуальной интенцией. Предполагается, что наблюдаемые сейчас аксиологические расхождения между Россией и коллективным Западом, проявляющиеся в «повороте на Восток», находят теоретическое обоснование, прежде всего, в евразийской идее, основным посылом которой было отрицание западных ценностей.

³ Raj Kumar S. Russia's Greater Eurasian Partnership is an Opportunity for India // The Economic Times. 06.10.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/blogs/etcommentary/russias-greater-eurasian-partnership-is-an-opportunity-for-india/> (accessed: 23.11.2020).

В данном контексте интересно, что евразийские проекты начала 30-х гг. XX в. и современные неоевразийские проекты объединяет призыв к социальной симфонии. Под симфонией подразумевается, с одной стороны, духовность общества, ориентированная главным образом на сохранение традиционных ценностей, а с другой — построение государственно-частной системы хозяйства, гарантирующей подлинное обеспечение интересов трудящихся [Евразийство: декларация, формулировка... 1932: 2]. По мнению авторов, в настоящее время к построению общества такого типа стремится большинство азиатских государств. Кроме России эти представления распространены в Китае и большей части стран Центральной Азии (ЦА).

Место Центрально-Азиатского региона, сообразно смыслу высказываний предтечи евразийства В.И. Ламанского, состоит в том, чтобы соединять Россию с «собственно азиатским миром» [Ламанский 2010: 263]. Особо отметим, что ученый определял Евразию не столько географически, сколько политически. В силу этого известная ценностная общность, присущая населению этого региона, находит сегодня свое проявление в политическом единении в рамках Евразийского экономического союза. Подчеркнем также вхождение большинства центральноазиатских стран в ШОС, где Россия и Китай играют важную роль. Эти две страны охватывают половину пространства евразийского материка, представляя собой ядро интегрирующейся Евразии.

Интеграционные процессы, охватившие азиатский мир в XX в., в значительной степени проявились в двух проектах: британском (колониальном) и советском (коммунистическом). Попытка Японии создать путем военной экспансии Великую восточноазиатскую сферу сопроцветания оказалась на редкость неудачной. Британский (в рамках Британской Индии) и советский (на севере Евразии) интеграционные проекты были успешнее, но завершились, не пройдя испытание на аксиологическую валидность. Переход британского проекта в Содружество наций⁴ знаменовал

⁴ Рассматривается его азиатская часть — Индия, Пакистан, Бангладеш и Мьянма.

новый поворот, сообразно которому западные ценности, прежде довлевшие над населением и элитами стран Южной Азии, перестали считаться универсальными. В этих условиях значительно больше внимания стали уделять традиционным устоям.

Советский проект, как представляется, оказался более устойчив, причем именно в азиатской части Евразии. В то время как бывшие союзные республики европейской части либо осуществили явный выбор в пользу западноевропейского интеграционного процесса, либо колебались относительно возможности его принятия, центральноазиатские республики выбрали иной путь, фактически антизападный, главными акторами которого являются Россия и Китай.

Оба эти государства подвергают сомнению право Запада на гегемонию в масштабе Земного шара, и в особенности на евразийском пространстве, официально заявляя о своей приверженности многополярности [Никонов 2015: 404].

В рамках российского политического мировосприятия складывающаяся в последнее время дружба России и Китая в противовес Западу проще всего описывается в рамках евразийского дискурса. Российская парадигма позволяет включить Китай в евразийское пространство, поскольку один из главнейших основателей евразийства П.Н. Савицкий еще в 1933 г. предусмотрительно различил Евразию в целом и Россию-Евразию. Он сделал это в духе немецкого ученого А. Гумбольдта [Гумбольдт 1915: 59, 60], введя разделение евразийского пространства на Евразию в строгом смысле (*Eurasia in sensu strictu*) и Евразию в широком смысле (*Eurasia in sensu latiore*) [Савицкий 1997: 511]. Такого рода разграничение дает возможность для теоретического маневра россиянам, но не является достаточно убедительным для китайцев, для которых геополитика начинается, а возможно, и заканчивается китаеццентричной концепцией Тянься, что в российской политической науке может быть соотнесено лишь с российской историософской концепцией «Москва — Третий Рим».

Политика России в отношении стран Центральной Азии в контексте евразийства

Для Центральной Азии концепция евразийства открыла хорошие возможности, что не преминули использовать исследователи и политические деятели этого региона. Первым заявил о важности объединения бывших советских республик на базе евразийской идеологии президент Казахстана Н.А. Назарбаев. По его мнению, важные составляющие евразийства включают в себя:

- 1) экономический прагматизм;
- 2) добрую волю;
- 3) равенство, невмешательство в дела друг друга, уважение суверенитета и территориальной целостности;
- 4) создание наднациональной структуры, принимающей решения на основе консенсуса⁵.

Эти идеи легли в основу подписанного 6 января 1995 г. Соглашения о Таможенном союзе между Российской Федерацией и Республикой Беларусь, а затем — Соглашения о Таможенном союзе (ТС) России, Белоруссии и Казахстана. Позже, в 1996 г., к ТС присоединилась Киргизия, что впоследствии привело к трансформации Таможенного союза в Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и в дальнейшем — в Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС). Данное объединение, в первую очередь, базируется на доброй воле участников, общем историческом прошлом, а также евразийской идеологии.

Именно евразийская идеология стала важным компонентом российской внешней политики в отношении государств Центральной Азии в XXI в.⁶ Здесь важно подчеркнуть, что евразийство апеллирует к исторической преемственности и ценностной близости, и именно это увеличивает значимость евразийства как идеологического течения в

⁵ Назарбаев Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия. 25.10.2011. URL: <https://iz.ru/news/504908> (дата обращения: 22.11.2020).

⁶ Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Президент России. 30.11.2016. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 01.09.2020).

Центрально-Азиатском регионе. Из этого следует, что евразийская идентичность России дает возможность как ей, так и региональным государствам обеспечивать непрерывное развитие своих этносов, сохраняя, таким образом, свою идентичность в единстве многообразия.

На основе такого понимания был создан геополитический конструкт Большого евразийского партнерства (Большая Евразия), который был провозглашен в 2016 г. лидерами России и Казахстана в качестве внешнеполитической основы обоих государств с возможностью подключения к этому партнерству других евразийских государств⁷. И хотя концептуальное понимание евразийства у лидеров России и Казахстана различается — каждый в неявной форме высказывает идею особой значимости своей страны⁸, на политическом уровне оба государства демонстрируют решимость воплотить в жизнь политическую и экономическую интеграцию стран Центрально-Азиатского региона.

У входящей в ЕАЭС Киргизии на евразийских идеях основывает свою политическую деятельность партия «Биримдик»⁹. Из других центральноазиатских государств наибольшую заинтересованность в сотрудничестве в рамках евразийского партнерства проявляет Узбекистан. 11 мая 2020 г. на заседании верхней палаты узбекского парламента принято постановление о вхождении в ЕАЭС в качестве наблюдателя. По данным опроса, проведенного в 2020 г. Центром экономических исследований и реформ при админи-

страции президента Узбекистана, 74 % анонимно опрошенных граждан выступают за вхождение страны в ЕАЭС¹⁰.

Что касается Таджикистана, он занимает особую позицию. Несмотря на то что страна была одной из основательниц ЕврАзЭС, в преемственную ей организацию Душанбе вступать не спешит. Причины заключаются в недостаточно устойчивом характере его двусторонних связей с другими центральноазиатскими республиками [Попов 2020: 102, 117], хотя, согласно концепции внешней политики 2015 г., для Таджикистана отношения с этими странами являются вторыми по значению после России¹¹. При этом необходимо отметить, что затем по степени значимости указываются государства СНГ и Китай.

Всеобъемлющее большое евразийское партнерство становится привлекательным для большинства потенциальных участников, так как в его основе лежат такие принципы, как «невмешательство во внутренние дела и суверенное равенство государств, недопустимость дестабилизации конституционного строя и законно избранных властей, уважительное отношение к культурным традициям и цивилизации» [Butler, Entin, Entina, Tokkunova 2020: 18].

Один из видных идеологов евразийства К.Н. Леонтьев, на чьи взгляды ориентировались многие представители этого движения, протестуя против навязывающего индивидуализм эгалитарного либерализма, выступал за «нововосточную культуру», противостоящую, по его мнению, разрушающему культуру западному утилитаризму [Леонтьев 2000: 426, 427]. Разумеется, этическая критика К.Н. Леонтьева, воспринятая и творчески переработанная евразийцами первой волны, задает лишь интенцию для их наследников на

⁷ Кофнер Ю. Теория евразийской интеграции. I // Российский совет по международным делам. 31.12.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/34501/> (дата обращения: 22.11.2020).

⁸ Назарбаев Н.А. От идеи Евразийского союза — к новым перспективам евразийской интеграции. Выступление Первого Президента — Елбасы Н.А. Назарбаева в Московском университете имени М.В. Ломоносова 28 апреля 2014 года // 25 лет идеи евразийской интеграции Н.А. Назарбаева (в оценках экспертов КИСИ при Президенте РК). Нур-Султан, 2019. С. 40.

⁹ «Биримдик» озвучила свою политическую идеологию // Вечерний Бишкек. 06.02.2020. URL: https://www.vb.kg/doc/385204_birimdik_ozvychila_svou_politicheskyu_ideologiu.html (дата обращения: 22.11.2020).

¹⁰ Бурханов А. Узбекистан вступит в ЕАЭС: альтернативы нет // EurAsia Daily. 03.09.2020. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/09/03/uzbekistan-vstupit-v-caes-alternativy-net> (дата обращения: 22.11.2020).

¹¹ Концепция внешней политики Республики Таджикистан, утверждена Указом Президента Республики Таджикистан от 27 января 2015 года, № 332 // МИД Республики Таджикистан. 27.01.2015. URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan> (дата обращения: 23.11.2020).

объединение стран Центральной и Восточной Евразии. В настоящее время она воспринимается в контексте реалистической парадигмы, учитывающей прежде всего баланс сил и интересов основных акторов Центрально-Азиатского региона.

Китайский подход к евразийству и странам Центральной Азии

Несмотря на увеличивающееся внимание КНР к странам Центральной Азии, важно отметить, что у китайской стороны нет разработанной стратегии в отношении Евразии в целом. Скорее, данная стратегия находится пока в процессе формирования. Безусловно, Китай ищет свою нишу в регионе с учетом своего растущего экономического влияния на развитие мира. Китайское руководство большое внимание уделяет происходящим изменениям в балансе сил в Евразии и понимает необходимость формирования евразийской политики, в том числе принимая во внимание современное состояние отношений между Россией и западными партнерами. Несомненно, китайское руководство особенно воспринимает евразийскую политику в контексте возрастающей конкуренции со стороны США. Здесь следует отметить, что многие американские авторы — сторонники внешнеполитического реализма — рассматривают сближение России и Китая в качестве угрозы собственным национальным интересам, а Евразию — в качестве «важного аспекта глобальной геостратегии США» [Brzezinski 2016: 41].

Тем не менее нельзя отрицать существенное влияние Китая на страны ЦА, а также на весь евразийский регион, что в будущем может негативно отразиться на позициях России в регионе. Здесь, прежде всего, следует говорить о возможном вытеснении российских позиций в будущем со стороны Китая ввиду невозможности предоставления российской стороной тех «благ», которые сулит странам ЦА взаимодействие с Китаем. Геополитическая стабильность на просторах Евразии также в немалой степени зависит от китайской стороны.

Таким образом, для китайского руководства становится очевидной важность усиления

роли страны на пространстве Евразии. Примечательно, что Пекин делает особый акцент на государственно-цивилизационное понимание международной повестки дня, формирование многополярного мира и уход от американоцентричного однополярного миропорядка. И этот подход сближает позиции России и Китая как на глобальном уровне, так и в евразийском измерении. В этом смысле Центрально-Азиатский регион является пространством, где инициативы двух стран проходят проверку на совместимость.

Возможности расширения российско-китайского сотрудничества на пространстве Центрально-Азиатского региона, в первую очередь, предопределены тем, что оба государства находят евразийскую политику США и стран Запада угрожающей их национальным интересам и геополитическим амбициям. Растущее внимание западных партнеров в отношении центральноазиатских стран вынуждает Россию и Китай привлекать существенные политические и финансовые ресурсы для усиления своих позиций. Географическая близость стран ЦА как к Российской Федерации, так и Китайской Народной Республике, а также особое отношение китайского руководства к синьцзян-уйгурской проблематике определяет заинтересованность сторон в сохранении стабильности в регионе. Необходимость обеспечения региональной безопасности становится единой задачей для России и Китая.

Ввиду того что на региональную политику накладывает отпечаток сложная внутривнутриполитическая обстановка в Афганистане, стороны считают необходимым сотрудничать по вопросам безопасности, а том числе в рамках ШОС. По мнению А.В. Лукина, «отказ от экономического сотрудничества с Китаем в Центральной Азии усилит отставание и России, и Китая как торгового-экономических партнеров государств региона от внерегиональных игроков, в первую очередь от ЕС и его отдельных членов» [Лукин 2015: 464]. Таким образом, объективно теория «китайской угрозы» [Broomfield 2003: 265, 266] в Центральной Азии приведет к укреплению позиций Запада [Лукин 2015: 464].

Рассматривая экономический и финансовый аспект, необходимо отметить, что Россия постоянно оказывает помощь центральноазиатским государствам, считая ее политически необходимой. По словам В.В. Путина, Россия «оказывает Киргизии значительную помощь в выделении кредитных средств и вхождении как раз в пространство Евразийского экономического союза»¹².

Хотя Россия уступает Китаю место ведущего инвестора в страны Центральной Азии, она не дает ему возможности сменить себя в качестве политического лидера в регионе. В сфере финансов это выражается в том, что, в отличие от Китая, Россия периодически списывает долги центральноазиатским государствам, что, однако, можно рассматривать в качестве сомнительного способа удержания своих позиций.

В укреплении позиций Китая в Центрально-Азиатском регионе важную роль играет инициатива «Один пояс, один путь». По мнению председателя КНР Си Цзиньпина, «сегодня инициатива “Один пояс, один путь”, Евразийский экономический союз и другие инициативы значительно расширили межцивилизационные обмены и взаимное обучение»¹³.

Шелковый путь предоставляет Китаю уникальную платформу для реализации своего геокультурного преимущества как цивилизационного государства [Winter 2020: 17]. При этом данная инициатива — это не соло в исполнении Китая, а симфония с участием всех стран, расположенных вдоль маршрута. Это, в частности, ансамбль Китая и Европы, рука об руку работающих на большом евразийском рынке¹⁴. Ряд экспертов ожидают,

¹² Путин В.В. О ситуации в Киргизии // Посольство Российской Федерации в Киргизской Республике. 07.10.2020. URL: https://kyrgyz.mid.ru/novosti/-/asset_publisher/IOOK5cWypndN/content/id/29327929 (дата обращения: 22.11.2020).

¹³ Xi Jinping's addresses conference on dialogue of Asian Civilizations // Beijing Review. 26.06.2019. URL: http://www.bjreview.com/Beijing_Review_and_Kings_College_London_Joint_Translation_Project/2019/201906/t20190626_800171719.html (accessed: 14.12.2020).

¹⁴ Шпангер Х.-Й. Поворот России на Восток, поворот Китая на Запад: взаимодействие и конфликты на

что тщательная координация усилий и гибкие стратегии соответствующих стран инициативы «Экономического пояса Шелкового пути» позволят сформировать третью ось экономического сотрудничества на евразийском континенте, помимо оси Атлантического и Тихоокеанского экономического сотрудничества в глобальном масштабе [Cheng, Chen, Degtarev, Zhao 2019: 85].

Особое место во внешнеполитических приоритетах Китайской Народной Республики отводится реализации инициативы «Один пояс, один путь», которая является своего рода «дорожной картой» последующей внешнеполитической стратегии Китая. По оценкам китайских ученых, данная инициатива становится «основой китайской региональной дипломатии» [Ye 2015: 207] и включена в качестве определяющего элемента 13-го пятилетнего плана Всекитайского Собрания народных представителей (2016—2020 гг.). По мнению кандидата политических наук, сотрудника Института востоковедения РАН Н.К. Семеновой и кандидата экономических наук, сотрудника Института востоковедения РАН Л.Б. Аристовой, «одно из ключевых слов в китайском опыте развития в нынешнем веке — инфраструктура, и именно вокруг этого понятия выстроен проект пояса и пути. Идея придания новых импульсов экономическому развитию за счет инфраструктурного толчка в принципе не нова, но для внутриконтинентальных районов Евразии она неизменно актуальна» [Аристова, Семенова 2019: 14].

По мнению китайского ученого Чжан Юньлина, экс-президента Ассоциации Азиатско-Тихоокеанских исследований Китайской Академии общественных наук, «целью ОПОП является создание платформы для будущего международного сотрудничества на основе различных инициатив Китая»¹⁵.

Шелковом пути // Международный дискуссионный клуб Валдай. Май 2016. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/22146/> (дата обращения: 22.11.2020).

¹⁵ Zhang Y. One Belt, One Road: A Chinese View // Global Asia. 2015. Vol. 10. No. 3. URL: https://www.globalasia.org/v10no3/cover/one-belt-one-road-a-chinese-view_zhang-yunling (accessed: 23.11.2020).

Официальная позиция Китая заключается в том, что инициатива «Один пояс, один путь» — это приглашение к экономическому сотрудничеству, а вовсе не инструмент геополитики. Она не направлена против какой-либо конкретной страны, а выступает полезным дополнением к существующим международным и региональным структурам [Zhao Hong 2016: 4].

Без активного участия России парадигма ОПОП потерпит серьезное поражение, что нанесет ущерб не только интересам Китая, но и России, поскольку ее невключение может привести к серьезным стратегическим потерям для самой российской стороны, в первую очередь, из-за институционализированной многосторонней структуры ОПОП, которая позволяет Москве использовать множество политических и экономических ресурсов для взаимодействия как с Европой, так и Азией [Yilmaz, Liu 2019: 273].

Инициатива «Один пояс, один путь» нацелена не только на развитие северо-запада Китая, в частности Синьцзян-Уйгурского автономного района, но и на получение доступа к ресурсам государств Центральной Азии. В большей степени инвестиции Китая в странах ЦА приходятся на такие сферы экономики, как топливно-энергетический комплекс, а также на инфраструктуру, строительство, сборочное производство и сельское хозяйство¹⁶. Следует также упомянуть, что в условиях перепроизводства и избыточных производственных мощностей китайская сторона проявляет заинтересованность в переносе китайских предприятий на территорию центральноазиатских государств. При этом реализация инфраструктурных проектов в развивающихся странах позволяет сохранить доход китайских строительных фирм [Макаров, Соколова 2016: 50]. В то же время перенос трудоемких производств за границу поднимает проблему трудоустройства непосредственно самого китайского населения в стране [Cai 2017: 14].

¹⁶ China Global Investment Tracker // American Enterprise Institute. 2020. URL: <https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/> (дата обращения: 20.09.2020).

Хотя Российская Федерация и Китайская Народная Республика заинтересованы в сохранении региональной безопасности, их собственные подходы к данной проблематике различаются. Так, российская сторона видит необходимым укрепление военной составляющей стран ЦА ввиду нестабильной ситуации в Афганистане, а также в странах Ближнего и Среднего Востока. Китайская сторона, напротив, считает важным экономический рост в государствах региона. Однако очевидно, что в процессе евразийской интеграции как Россия, так и Китай рассматривают страны Центральной Азии с позиции торгового или транзитного коридора, что, безусловно, будет влиять на узкую направленность инвестиций, предполагающую приоритетность вложений в развитие инфраструктуры, а не промышленности.

Россия и Китай заинтересованы как в укреплении своего влияния в регионе, так и расширении сфер сотрудничества, а также в недопущении других сильных игроков в Центрально-Азиатский регион. Данное стремление находит свое подтверждение в Совместном заявлении сторон о сотрудничестве по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового Пути¹⁷, а также в Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой — с другой¹⁸.

Более тесное взаимодействие между Китаем и Россией может также ускорить слияние их флагманских геополитических проектов, таких как ОПОП и ЕАЭС, которые

¹⁷ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути // Президент России. 08.05.2015. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 23.11.2020).

¹⁸ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны // Евразийская экономическая комиссия. 25.10.2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Соглашение%20с%20Китаем/Текст%20орусский%20%28ЕАЕУ%20alternate%29%20final.pdf (дата обращения: 29.11.2020).

могут стратегически изменить евразийское пространство, а более тесные отношения между российской и китайской сторонами сузят кооперацию между Россией и США, Китаем и США по вопросам, имеющим решающее стратегическое значение для Вашингтона [Kogolev 2020: 787].

В политической сфере российская сторона находится в более выигрышном положении. Культурные связи между Российской Федерацией и странами Центральной Азии также положительно влияют на динамику сотрудничества. Невзирая на наличие у России целого ряда сильных сторон в экономической сфере, Москва не может рассчитывать на реальный успех в инвестиционной, финансовой, торговой конкуренции с Пекином в ЦА. Авторы полагают, что расширение геополитических интересов Китая в Центральной Азии в обозримом будущем не повлияет на позиции России в данном регионе. Несмотря на то что обе стороны преследуют собственные национальные интересы, все же Российская Федерация и Китайская Народная Республика в большей степени заинтересованы в сохранении текущего внутривосточного и внутриэкономического положения в регионе.

Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути — одна из наиболее перспективных концепций сотрудничества. Задачей сопряжения является создание синергии двух проектов и формирование вокруг транспортно-логистического евразийского каркаса нового пространства совместного развития [К Великому океану... 2019: 223].

Применительно к российско-китайским отношениям концепция Большой Евразии может создать платформу, которая позволит избежать конкуренции между Российской Федерацией и Китайской Народной Респуб-

ликой. Однако, по мнению авторов, это также крайне сомнительно. Китайская сторона уже играет ведущую роль в ШОС, аналогичная ситуация, вероятно, будет наблюдаться и в случае с Большой Евразией.

Ставя своей целью превращение Евразии в один из центров мировой экономики и политики, концепция Большой Евразии имеет большую привлекательность для менее развитых или менее крупных стран региона, позволяя им ускорить свое развитие, оставаясь в рамках неконфронтационной парадигмы [Торкунов, Стрельцов, Колдунова 2020: 20].

По мнению профессора Фуданьского университета (КНР) Чжао Хуашэна, «большое евразийское сотрудничество не только отвечает интересам Китайской Народной Республики, но и придаст новый импульс развитию китайско-российского взаимодействия» [Zhao Huasheng 2018: 81]

Заключение

Что касается концептуального оформления российско-китайского сотрудничества в Центральной Азии в контексте идеи Большой Евразии, оно пока находится в состоянии эвентуального возникновения. Дополнит ли евразийскую политическую концепцию коммуникационно-экономическая концепция «Один пояс, один путь», пока неясно. Вместе с тем очевидно, что они уже сейчас комплементарны друг другу в плане противостояния — политического и экономического соответственно — влиянию западных стран как на Евразию в целом, так и на Центральную Азию в особенности. И как бы ни определились в дальнейшем их концептуальные интенции, внешнеполитическое значение обеих стратегий в регионе несомненно.

Поступила в редакцию / Received: 15.12.2020
Принята к публикации / Accepted: 11.01.2021

Библиографический список

- Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Россия и Китай в Евразии: транспортные измерения безопасности: в 2 ч. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2019.
- Гумбольдт А. Центральная Азия. Т. 1. М.: Типолитография т-ва И.Н. Кушнерев и Ко, 1915.
- Евразийство: декларация, формулировка, тезисы. Прага: Изд. Евразийцев, 1932.

- К Великому океану: хроника поворота на Восток: сборник докладов Валдайского клуба / науч. ред. Т.В. Бордачев. М.: Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», 2019.*
- Ламанский В.И. Геополитика панславизма / отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010.*
- Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24—35. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03*
- Леонтьев К. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. М.: АСТ, АСТ Москва, Хранитель, 2000.*
- Лукин А.В. Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях). М.: Международные отношения, 2015.*
- Лукин А.В. Россия и Китай в Большой Евразии // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 46—59. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04*
- Макаров И.А., Соколова А.К. Сопряжение евразийской интеграции и Экономического пояса Шелкового пути: возможности для России // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 2. С. 40—57.*
- Никонов В.А. Код цивилизации. Что ждет Россию в мир будущего. М.: Эксмо, 2015.*
- Попов Д.С. Государства Центральной Азии во внешней политике Республики Таджикистан: проблемы и динамика взаимоотношений // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 4 (61). С. 102—120.*
- Савицкий П.И. Географические и геополитические основы евразийства // Основы геополитики / под ред. А. Дугина. М.: АРКТОГЕЯ-центр, 1997. С. 294—298.*
- Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. 2020. № 11. С. 111—125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009*
- Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. Политические исследования. 2020. № 5. С. 8—21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02*
- Флоровский Г. Из прошлого русской мысли. М.: Аграф, 1998.*
- Broomfield E.V. Perceptions of Danger: The China Threat Theory // Journal of Contemporary China. 2003. No. 12 (35). P. 265—284. DOI: 10.1080/1067056022000054605*
- Brzezinski Z. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 2016.*
- Butler W.E., Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A. Greater Eurasia: In Search of a Legal Order // Polis. Political Studies. 2020. No. 4. P. 9—23. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.02*
- Cai P. Understanding China's Belt and Road Initiative. Sydney: Lowy Institute for International Policy, 2017.*
- Cheng G., Chen L., Degterev D.A., Zhao J. Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy // Vestnik RUDN. International Relations. 2019. Vol. 19. No. 1. P. 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88*
- Korolev A. How Closely Aligned Are China and Russia? Measuring Strategic Cooperation in IR // International Politics. 2020. No. 57. P. 760—789. DOI: 10.1057/s41311-019-00178-8*
- Winter T. Geocultural Power: China's Belt and Road Initiative // Geopolitics. 2020. 1—24. DOI: 10.1080/14650045.2020.1718656*
- Ye M. China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road // Asian Security. 2015. Vol. 11. No. 3. P. 206—224. DOI: 10.1080/14799855.2015.1109509*
- Yilmaz S., Liu C. Remaking Eurasia: The Belt and Road Initiative and China — Russia Strategic Partnership // Asia Europe Journal. 2019. Vol. 18. No. 3. P. 259—280. DOI: 10.1007/s10308-019-00547-1*
- Zhao Hong. Trends in Southeast Asia: China's One Belt One Road: An Overview of the Debate. Singapore: Mainland Press, 2016.*
- Zhao Huasheng. Greater Eurasian Partnership: China's Perspective // China International Studies. 2018. No. 68. P. 68—84.*

References

- Aristova, L.B., & Semenova, N.K. (2019). *Russia and China in Eurasia: Transport Security Dimensions*. Part 1. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN publ. (In Russian).
- Bordachev, T.V. (Eds.). (2019). *Towards the Great Ocean: A Chronicle of the Turn to the East: collection of reports of the Valdai Club*. Moscow: Fond razvitiya i podderzhki Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valdai" publ. (In Russian).
- Broomfield, E.V. (2003). Perceptions of Danger: The China Threat Theory. *Journal of Contemporary China*, 12(35), 265—284. DOI: 10.1080/1067056022000054605

- Brzezinski, Z. (2016). *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books.
- Butler, W.E., Entin, M.L., Entina, E.G., & Torkunova, E.A. (2020). Greater Eurasia: In Search of a Legal Order. *Polis. Political Studies*, (4), 9—23. DOI: 10.17976/jpps/2020.04.02
- Cai, P. (2017). *Understanding China's Belt and Road Initiative*. Sydney: Lowy Institute for International Policy.
- Cheng, G., Chen, L., Degterev, D.A., & Zhao, J. (2019). Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19(1), 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88
- Eurasianism: Declaration, Formulation, Theses*. (1932). Prague: Izd. Evraziytssev publ. (In Russian).
- Florovsky, G. (1998). *Out of the Past Russian Thought*. Moscow: Agraf publ. (In Russian).
- Humboldt, A. (1915). *Central Asia*. Vol. 1. Moscow: Tipolitografiya t-va I.N. Kushnerev i Ko publ. (In Russian).
- Korolev, A. (2020). How Closely Aligned Are China and Russia? Measuring Strategic Cooperation in IR. *International Politics*, (57), 760—789. DOI: 10.1057/s41311-019-00178-8
- Lamansky, V.I. (2010). *Geopolitics of Pan-Slavism*. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii publ. (In Russian).
- Lebedeva, M.M. (2020). New World Order: Parameters and Possible Contours. *Polis. Political Studies*, (4), 24—35. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.04.03
- Leontyev, K. (2000). *The Average European as an Ideal and a Weapon of Worldwide Destruction*. Moscow: AST, AST Moskva, Khranitel' publ. (In Russian).
- Lukin, A.V. (2015). *Rising China and the Future of Russia (Works on China and Russian-Chinese Relations)*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. (In Russian).
- Lukin, A.V. (2020). Russia and China in Greater Eurasia. *Polis. Political Studies*, (5), 46—59. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.04
- Makarov, I.A., & Sokolova, A.K. (2016). The Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt: Opportunities for Russia. *International Organizations Research Journal*, 11(2), 40—57. (In Russian).
- Nikonov, V.A. (2015). *Civilization Code. What Awaits Russia in the Future World*. Moscow: Eksmo publ. (In Russian).
- Popov, D.S. (2020). Tajikistan's Foreign Policy Dealing with the Central Asian Countries: Issues and Dynamics of Relations. *Problems of National Strategy*, (4), 102—120. (In Russian).
- Savchenko, A.E., & Zuenko, I.Y. (2020). The Driving Forces of Russia's Pivot to East // *Comparative Politics Russia*, (11), 111—125. (In Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009
- Savitsky, P.I. (1997). Geographic and Geopolitical Foundations of Eurasianism. In A.G. Dugin (Eds.), *Fundamentals of Geopolitics*. Moscow: ARKTOGEYa-tsentr publ. (pp. 294—298). (In Russian).
- Torkunov, A.V., Streltsov, D.V., & Koldunova, E.V. (2020). Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects. *Polis. Political Studies*, (5), 8—21. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02
- Winter, T. (2020). Geocultural Power: China's Belt and Road Initiative. *Geopolitics*, 1—24. DOI: 10.1080/14650045.2020.1718656
- Ye, M. (2015). China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road. *Asian Security*, 11(3), 206—224. DOI: 10.1080/14799855.2015.1109509
- Yilmaz, S., & Liu, C. (2019). Remaking Eurasia: The Belt and Road Initiative and China — Russia Strategic Partnership. *Asia Europe Journal*, 18(3), 259—280. DOI: 10.1007/s10308-019-00547-1
- Zhao, Hong. (2016). *Trends in Southeast Asia: China's One Belt One Road: An Overview of the Debate*. Singapore: Mainland Press.
- Zhao, Huasheng. (2018). Greater Eurasian Partnership: China's Perspective. *China International Studies*, (68), 68—84.

Сведения об авторах: Забелла Анастасия Александровна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: zabella-aa@rudn.ru).

Каткова Евгения Юрьевна — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: katkova-eyu@rudn.ru).

Шаблага Андрей Владимирович — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: shabaga-av@rudn.ru).

About the authors: Zabella Anastasiya Aleksandrovna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: zabella-aa@rudn.ru).

Katkova Evgeniya Yur'yevna — PhD in History, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: katkova-eyu@rudn.ru).

Shabaga Andrey Vladimirovich — Dr. of Sc. (Philosophy), Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University (e-mail: shabaga-av@rudn.ru).